

"Критики"(рассказ). В.М.Шукшин

[Проза](#)

Опубликовано 03.04.2018

Деду было семьдесят три, Петьке, внуку, – тринадцать. Дед был сухой и нервный и страдал глухотой. Петька, не по возрасту самостоятельный и длинный, был стыдлив и упрям. Они дружили.

Больше всего на свете они любили кино. Половина дедовой пенсии уходила на билеты. Обычно, подчитав к концу месяца деньги, дед горько и весело объявлял Петьке:

– Ухайдакали мы с тобой пять рубликов!

Петька для приличия делал удивленное лицо.

– Ничего, прокормит, – говорил дед (имелись в виду отец и мать Петьки. Дед Петьке доводился по отцу). – А нам с тобой это для пользы.

Садись всегда в первый ряд: дешевле, и потом там дед лучше слышал. Но все равно половину слов он не понимал, а догадывался по губам актеров. Иногда случалось, что дед вдруг ни с того ни с сего начинал хохотать. А в зале никто не смеялся. Петька толкал его в бок и сердито шипел:

– Ты чего? Как дурак...

– А как он тут сказал? – спрашивал дед.

Петька шепотом пересказывал деду в самое ухо:

– Не снижая темпов.

– Хе-хе-хе, – негромко смеялся дед уже над собой.– А мне не так показалось.

Иногда дед плакал, когда кого-нибудь убивали невинного.

– Эх вы... люди! – горько шептал он и сморкался в платок. Вообще он любил высказаться по поводу того, что видел на экране. Когда там горячо целовались, например, он усмеялся и шептал:

– От черти!.. Ты гляди, гляди... Хэх!

Если дрались, дед, вцепившись руками в стул, напряженно и внимательно следил за дракой (в молодости, говорят, он охотник был подраться. И умел).

– Нет, вон тот не... это... слабый. А этот ничего, верткий.

Впрочем, фальшь чуял.

– Ну-у,– обиженно говорил он,– это они понарошке.

– Так кровь же идет,– возражал Петька.

– Та-а... кровь. Ну и что? Нос, он же слабый: дай потихоньку, и то кровь пойдет. Это не в том дело,

– Ничего себе не в том!

– Конечно, не в том.

На них шикали сзади, и они умолкали.

Спор основной начинался, когда выходили из клуба. Особенно в отношении деревенских фильмов дед был категоричен до жестокости.

– Хреновина,– заявлял он.– Так не бывает.

– Почему не бывает?

– А что, тебе разве этот парень глянется?

– Какой парень?

– С гармошкой-то. Который в окно-то лазил.

– Он не лазил в окно,– поправлял Петька; он точно помнил все, что происходило в фильме, а дед путал, и это раздражало Петьку,– Он только к окну лез, чтобы спеть песню.

– Ну, лез. Я вон один раз, помню, полез было...

– А что, он тебе не глянется?

– Кто?

– Кто-кто!.. Ну парень-то, который лез-то. Сам же заговорил про него.

– Ни вот на столько,– дед показывал кончик мизинца.– Ваня-дурачок какой-то. Поет и поет ходит... У нас Ваня-дурачок такой был – все пел ходил.

– Так он же любит! – начинал нервничать Петька.

– Ну и что, что любит?

– Ну и поет.

– А?

– Ну и поет, говорю!

– Да его бы давно на смех подняли, такого! Ему бы проходу не было. Он любит... Когда любят, то стыдятся. А этот трезвонит ходит по всей деревне... Какая же дура пойдет за него! Он же несерьезный парень. Мы вон, помню: поглянется девка, так ты ее за две улицы обходишь – потому что совестно. Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же...

– Чего – зачем?

– Зачем же людей-то смешить? Мы вон, помню...

– Опять "мы, мы". Сейчас же люди-то другие стали!

– Чего это они другие-то стали? Всегда люди одинаковые. Ты у нас много видел таких дурачков?

– Это же кино все-таки. Нельзя же сравнивать.

– Я и не сравниваю. Я говорю, что парень непохожий, вот и все,– стоял на своем дед.

– Так всем же глянется! Смеялись же! Я даже и то смеялся.

– Ты маленький ишо, поэтому тебе все смешно. Я вот небось не засмеюсь где попало.

Со взрослыми дед редко спорил об искусстве – не умел. Начинал сразу нервничать, обзывался.

Один раз только крепко схлестнулся он со взрослыми, и этот-то единственный раз и навлек на его голову беду.

Дело было так.

Посмотрели они с Петькой картину – комедию, вышли из клуба и дружно разложили ее по косточкам.

– И ведь что обидно: сами ржут, черти (актеры), а тут сидишь – хоть бы хны, даже усмешки нету! – горько возмущался дед. – У тебя была усмешка?

– Нет,– признался Петька.– Один раз только, когда они с машиной перевернулись.

– Ну вот! А ведь мы же деньги заплатили – два рубля по-старому! А они сами посмеялись и все.

– Главное, пишут "Комедия".

– Комедия!.. По зубам за такую комедию надавать.

Пришли домой злые.

А дома в это время смотрели по телевизору какую-то деревенскую картину. К ним в гости приехала Петькина тетя, сестра матери Петьки. С мужем. Из города. И вот все сидят и смотрят телевизор. (Дед и Петька не переваривали телевизор. "Это я, когда еще холостым был, а брат, Микита, женился, так вот я любил к ним в горницу через щелочку подглядывать. Так и телевизор ихний: все вроде как подглядываешь", – сказал дед, посмотрев пару раз телевизионные передачи.)

Вот, значит, сидят все, смотрят,

Петька сразу ушел в прихожую учить уроки, а дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил:

– Хреновина. Так не бывает.

Отец Петьки обиделся:

– Помолчи, тять, не мешай.

– Нет, это любопытно, – сказал городской вежливый мужчина. – Почему так не бывает, дедушка? Как не бывает?

– А?

– Он недослышит у нас, – пояснил Петькин отец.

– Я спросил: почему так не бывает? А как бывает? – громко повторил городской мужчина, заранее почему-то улыбаясь.

Дед презрительно посмотрел на него:

– Вот так и не бывает. Ты вот смотришь и думаешь, что он правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет.

– Они у нас критики с Петькой, – сказал Петькин отец, желая немного смягчить резкий дедов тон.

– Любопытно, – опять заговорил городской. – А почему вы решили, что он топор неправильно держит?

– Да потому, что я сам всю жизнь плотничал. "Почему решили?"

– Дедушка, – встряла в разговор Петькина тетя, – а разве в этом дело?

– В чем?

– А мне вот гораздо интереснее сам человек. Понимаете? Я знаю, что это не настоящий плотник – это актер, но мне инте... мне гораздо интереснее...

– Вот такие и пишут на студии, – опять с улыбкой сказал муж Петькиной тети.

Они были очень умные и все знали – Петькина тетя и ее муж. Они улыбались, когда разговаривали с дедом. Деда это обозлило.

– Тебе не важно, а мне важно, – отрезал он, – Тебя им надуть – пара пустяков, а меня не надуют,

– Ха-ха-ха, – засмеялся городской человек. – Получила?

Петькина тетя тоже усмехнулась,

Петькиному отцу и Петькиной матери было очень неудобно за деда.

– Тебе ведь трудно угодить, тять, – сказал Петькин отец. – Иди лучше к Петьке, помоги ему. – Склонился к городскому человеку и негромко пояснил: – Помогает моему сыну уроки учить, а сам – ни в зуб ногой. Спорят друг с другом. Умора!

– Любопытный старик, – согласился городской человек.

Все опять стали смотреть картину, про деда забыли. Он стоял сзади как оплеванный. Постоял еще немного и пошел к Петьке.

– Смеются, – сказал он Петьке.

– Кто?

– Вон... – Дед кивнул в сторону горницы. – Ничего, говорят, ты не понимаешь, старый хрен. А они понимают!

– Не обращай внимания, – посоветовал Петька.

Дед присел к столу, помолчал. Потом опять заговорил.

– Ты, говорят, дурак, из ума выжил...

– Что, так и сказали'

– А?

– Так и сказали на тебя – дурак?

– Усмехаются сидят. Они шибко много понимают! – Дед постепенно "заводился", как выражался Петька.

– Не обращай внимания, – опять посоветовал Петька.

– Приехали... Грамотеи! – Дед встал, покопался у себя в сундуке, взял деньги и ушел.

Пришел через час пьяный.

– О-о! – удивился Петька (дед редко пил).– Ты чего это?

– Смотрят? – спросил дед,

– Смотрят. Не ходи к ним. Давай я тебя раздену. Зачем напился-то?

Дед грузно опустился на лавку.

– Они понимают, а мы с тобой не понимаем! – громко заговорил он.– Ты, говорят, дурак, дедушка! Ты ничего в жизни не понимаешь. А они понимают! Денег много?! – Дед уже кричал.– Если и много, то не подымай нос! А я честно всю жизнь горбатился!.. И я же теперь сиди помалкивай. А ты сроду топора в руках не держал! – Дед разговаривал с дверью, за которой смотрели телевизор.

Петька растерялся.

– Не надо, не надо, – успокаивал он деда. – Давай я тебя разую. Ну их!..

– Нет, постой, я ему скажу... – Дед хотел встать, но Петька удержал его:

– Не надо, деда!

– Финтифлюшки городские. – Дед как будто успокоился, притих.

Петька снял с него один сапог.

Но тут дед опять чего-то вскинул голову.

– Ты мне усмешечки строишь? – Опять глаза его безрассудно заблестели.– А я тебе одно слово могу сказать!..– Взял сапог и пошел в горницу. Петька не сумел удержать его.

Вошел дед в горницу, размахнулся и запустил сапогом в телевизор:

– Вот вам!.. И плотникам вашим!

Экран – вдребезги.

Все повскакали с мест. Петькина тетя даже взвизгнула.

– Усмешечки строить! – закричал дед.– А ты когда-нибудь топор держал в руках?!

Отец Петькин хотел взять деда в охапку, но тот оказал сопротивление. С грохотом полетели стулья. Петькина тетя опять взвизгнула и вылетела на улицу.

Петькин отец все-таки одолел деда, заломил ему руки назад и стал связывать полотенцем.

– Удосужил ты меня, удосужил, родитель,– зло говорил он, накрепко стягивая руки деда.– Спасибо тебе.

Петька перепугался насмерть, смотрел на все это широко открытыми глазами. Городской человек стоял в сторонке и изредка покачивал головой. Мать Петьки подбирала с пола стекла.

– Удосужил ты меня... – все приговаривал отец Петьки и нехорошо скалился.

Дед лежал на полу вниз лицом, терся бородой о крашеную половицу и кричал:

– Ты мне усмешечки, а я тебе – одно слово!.. Слово скажу тебе, и ты замолкнешь. Если я дурак, как ты говоришь...

– Да разве я так говорил? – спросил городской мужчина.

– Не говорите вы с ним, – сказала мать Петьки. – Он сейчас совсем оглох. Бессовестный.

– Вы меня с собой за стол сажать не хотите – ладно! Но ты мне... Это – ладно, пускай! – кричал дед. – Но ты мне тогда скажи: ты хоть один сруб срубил за свою жизнь? А-а!.. А ты мне же говоришь, что я в плотниках не понимаю! А я половину этой деревни своими руками построил!..

– Удосужил, родимчик тебя возьми, удосужил, – приговаривал отец Петьки.

И тут вошли Петькина тетя и милиционер, здешний мужик, Ермолай Кибяков.

– Ого-го! – воскликнул Ермолай, широко улыбаясь. – Ты чего это, дядя Тимофей? А?

– Удосужил меня на радостях-то, – сказал отец Петьки, поднимаясь.

Милиционер хмыкнул, почесал ладонью подбородок и посмотрел на отца Петьки. Тот согласно кивнул головой и сказал:

– Надо. Пусть там переночует.

Ермолай снял фуражку, аккуратно повесил ее на гвоздик, достал из планшета лист бумаги, карандаш и присел к столу.

Дед притих.

Отец Петьки стал рассказывать, как все было. Ермолай пригладил заскорузлой темной ладонью жидкие волосы на большой голове, кашлянул и стал писать, навалившись грудью на стол и наклонив голову влево.

"Гражданин Новоскольцев Тимофей Макарыч, одна тысяча..."

– Он с какого года рождения?

– С девяностого.

"...Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в бывшем, сейчас сидит на пенсии. Особых примет нету."

Вышеуказанный Тимофей двадцать пятого сентября сего года заявился домой в состоянии крепкого алкоголя. В это время семья смотрела телевизор. И гости еще были..."

– Как кинофильм назывался?

– Не знаю. Мы включили, когда там уже шло, – пояснил отец. – Про колхоз. "...Заглавие фильма не помнят, Знают одно: про колхоз.

Тимофей тоже стал смотреть телевизор. Потом он сказал: "Таких плотников не бывает". Все попросили Тимофея оправиться. Но он продолжал возбужденное состояние. Опять сказал, что таких плотников не бывает, вранье, дескать. "Руки, говорит, у плотников совсем не такие". И стал совать свои руки, Его еще раз попросили оправиться. Тогда Тимофей снял с ноги правый сапог (размер 43-45, яловый) и произвел удар по телевизору.

Само собой, вышеб все на свете, то есть там, где обычно бывает видно.

Старший сержант милиции КИБЯКОВ".

Ермолай встал, сложил протокол вдвое, спрятал в планшет.

– Пошли, дядя Тимофей!

Петька до последнего момента не понимал, что происходит. Но когда Кибяков и отец стали поднимать деда, он понял, что деда сейчас поведут в каталажку. Он громко заплакал и кинулся защищать его:

– Куда вы его?! Деда, куда они тебя!.. Не надо, тять, не давай!..

Отец оттолкнул Петьку, а Кибяков засмеялся:

– Жалко дедушку-то? Сча-ас мы его в тюрьму посадим. Сча-ас...

Петька заплакал еще громче.

Мать увела его в уголок и стала уговаривать:

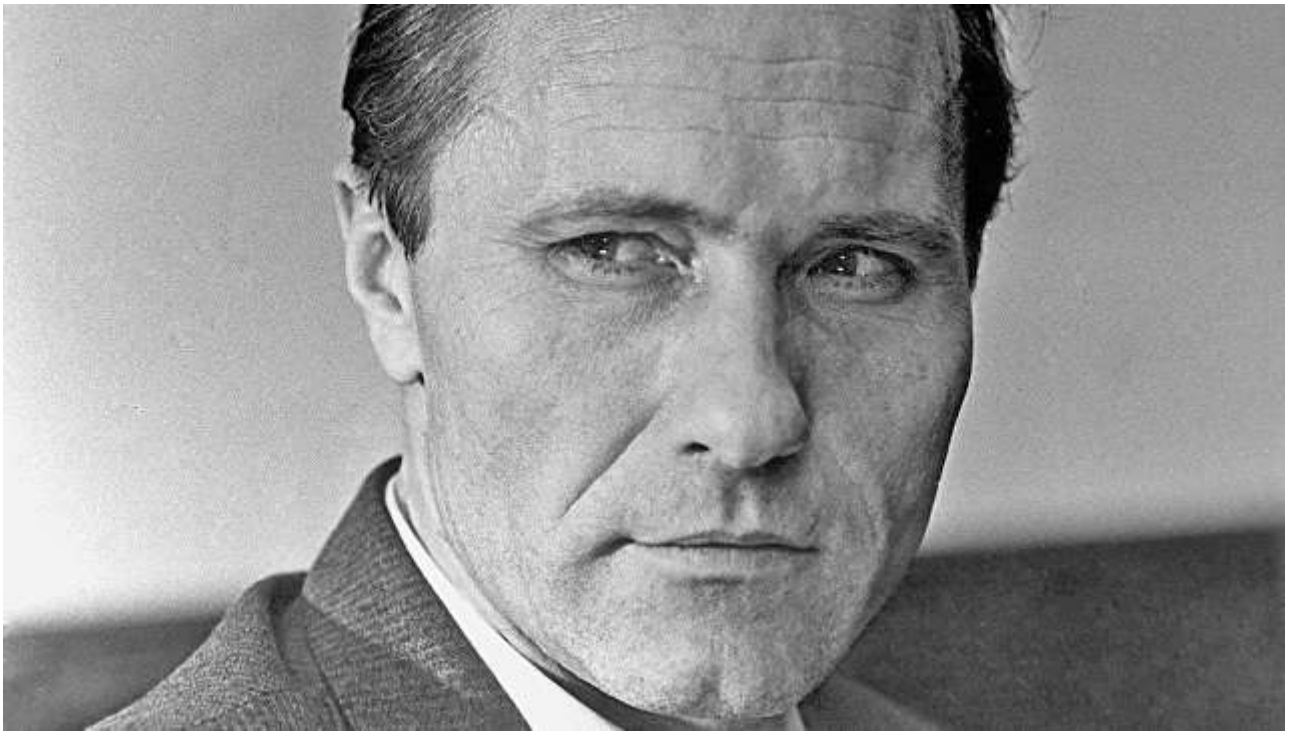
– Ничего не будет с ним, что ты плачешь-то? Переночует там ночь и придет. А завтра стыдно будет. Не плачь, сынок,

Деда обули и повели из избы. Петька заплакал навзрыд. Городская тетя подошла к ним и тоже стала уговаривать Петьку:

– Что ты, Петенька? В отрезвитель ведь его повели-то, в отрезвитель! Он же придет скоро, У нас в Москве знаешь сколько водят в отрезвитель!.,

Петька вспомнил, что это она, тетя, привела милиционера, грубо оттолкнул ее от себя, залез на печку и там долго еще горько плакал, уткнувшись лицом в подушку.

Автор

[Василий Шукшин](#)
писатель, сценарист